

ФРАНЦ БРЕНТАНО И ЕГО “ПСИХОЛОГИЯ АРИСТОТЕЛЯ”

И.В. Макарова

Австрийский философ и психолог Франц Brentano (16 янв. 1838 г., Мариенберг – 17 февр. 1917 г., Цюрих) известен не только как основоположник феноменологического направления в философии, но и как историк философии, и прежде всего комментатор Аристотеля. Одна из его первых работ – “О различных значениях сущего у Аристотеля” (1862) – рассматривает аристотелевское учение о категориях. Этой же теме он касается и в более поздних работах (“Учении о категориях” и “Уходе от нереального”). Спорному в аристотелеведении вопросу о бессмертии души посвящены “Психология Аристотеля в свете его учения о деятельном уме” (1867), “О креационизме Аристотеля” (1882), “Открытое письмо Целлеру” (1882–1883), “Аристотель и его мировоззрение” (1911), “Учение Аристотеля о происхождении человеческой души” (1911) и т.д. “Аристотель и его мировоззрение”, одна из последних книг Brentano, представляет собой собрание статей, посвященных разным вопросам аристотелевской философии.

Для Brentano – как основателя нового типа психологической науки и историка философии одновременно – очень важна тема бессмертия души, которое он обосновывает на примере аристотелевского учения о душе и деятельном уме¹. С одной стороны, бессмертие души, имевшее для него, по словам ряда исследователей, “фундаментальное значение”², важно как факт, очевидный и неоспори-

¹ Стремление не разделять историко-философский анализ с собственным научным дискурсом – характерная особенность исследовательского метода Brentano, который полагал, что изучение первого имеет вспомогательную функцию по отношению ко второму: изучение какой-либо историко-философской проблемы (в данном случае, проблема души у Аристотеля) имеет смысл лишь тогда, когда она, с одной стороны, подчинена конкретному научному исследованию (собственному учению Brentano о бессмертии души), поскольку первое должно направлять и обогащать “современное исследование”, а последнее, с другой стороны, становится необходимой предпосылкой адекватного толкования определенной историко-философской проблемы.

² См.: *Tiefensee E. Philosophie und Religion bei Franz Brentano*. Tübingen, 1998. S. 115–127.

мый, с признанием которого можно будет лучше понять такие явления, как происхождение носителя сознания и его сущность, взаимоотношение души и тела, граница между чувственным и интеллектуальным познанием и т.д. С другой стороны, Brentano старается доказать, что и Аристотель на самом деле считал человеческую душу бессмертной – противоположное мнение на этот счет он называет “извращенным пониманием учения Аристотеля”. Наконец, рассуждением о сущности души и ее происхождении он касается и ряда теологических проблем, поскольку признает Бога духовным инициатором творения души³.

Brentano ввязывается в современный ему спор вокруг проблемы субстанции души, поскольку к XIX в. традиционное понятие “душа” уже лишилось своего единства и внутренней целостности и в различных культурных сферах (религиозной, моральной или научной) использовалось как синонимичное понятиям “сознание”, “астральное тело”, “психика” или “психическая жизнь”. В обыденном употреблении душа осталась как метафора. Brentano стал одним из первых мыслителей, которые отстаивали метафизический статус души и ее конституирующую сущность. При этом Brentano возобновляет многовековые дискуссии о природе души у Аристотеля, признав все известные ему версии античных, средневековых и современных комментаторов недостаточно верными⁴. Однако он сделал исключение для Фомы Аквинского, чей взгляд на природу и происхождение человеческих душ как результат непрерывной творческой деятельности Бога не в последнюю очередь повлиял на собственную креационистскую теорию Brentano, согласно которой одушевление человеческого зародыша происходит благодаря нематериальному деятельному началу, т.е. Богу.

* * *

“Психология Аристотеля в свете его учения о деятельном уме” (1867), перевод небольшого отрывка которой предлагается ниже, – одно из самых ранних и значительных произведений Brentano. Оно посвящено исследованию сущности души в трактате Аристотеля “О душе” и исследованию ее проявлений (феноменов). Наибольшее

³ Об этом его произведения: “Психология Аристотеля в свете его учения о деятельном уме” (1867), “О креационизме Аристотеля” (1882), “Открытое письмо Целлеру” (1882–1883), “Аристотель и его мировоззрение” (1911), “Учение Аристотеля о происхождении человеческой души” (1911), цикл лекций “О бытии Бога”.

⁴ Современных Brentano участников (Тренделенбурга, Брандиса, Равессона, Целлера, Ренана и проч.), косвенно или прямо имевших отношение к полемике о статусе разумной души у Аристотеля, можно условно отнести к сторонникам либо Александра Афродисийского и арабских аристотеликов, либо Теофраста и Фемистия. Последние допускали бессмертие души и доказывали индивидуальный характер ее высшей части, первые главным образом доказывали бессмертие только одной части души – ума, и рассматривали его как единый и общий для всех божественный Ум.

внимание уделяется аристотелевскому учению о деятельном уме – самому непонятому пункту во всей психологии Аристотеля и самому важному для решения проблемы бессмертия. Этот вопрос может быть решен положительно или отрицательно в зависимости от того, является ли деятельный ум одной из способностей человеческой души или независимой и привходящей в нее извне сущностью.

В первой части своего исследования Brentano разбирает мнения своих предшественников и современников о статусе души у Аристотеля и возможности ее бессмертия на основании наличия в ней такой способности, как деятельный ум, и признает, что все они неверно толкуют учение Аристотеля⁵. Затем он представляет свое собственное мнение, характеризуя его как самое адекватное. Согласно ему деятельный ум – особая способность человеческой души изначально ей присущая, которая, будучи чистой действительностью, является деятельной причиной человеческого мышления, а человеческая душа бессмертна, но не в одной своей безличной части, а целиком. Потом, разобрав аристотелевское учение о растительной, чувственной и разумной “частях” души, он сосредоточивается на деятельном уме, его статусе и отношении ко всем прочим “частям” души.

Прежде всего Brentano пытается выяснить, для чего Аристотелю понадобилось наличие в душе деятельного ума. Он предполагает, что это разделение не в последнюю очередь обусловлено стремлением Аристотеля упорядочить схему получения знания. Brentano считает, что Аристотель выделил в разумной душе, две способности – “воспринимающую” и “деятельную”, *νοῦς δυνάμει* (собственно мышление) и *νοῦς ποιητικός* (деятельная причина мышления), полагая, что всякий процесс, в том числе и человеческое мышление, невозможен без деятельной причины. Поскольку и ощущение, и мышление функционируют сходным образом (активизируясь воздействием извне одно постигает в самих вещах чувственное, другое – умопостигаемое, “осуществленное в чувственных отражениях вещей”), то получается, что результат чувственного восприятия воздействует на ум примерно так же как материальная вещь на чувственный орган, что может привести к выводу, будто деятельное начало наших мыслей целиком материально. Но, поскольку Аристотель не раз замечал, что “действие всегда выше претерпевающего и начало выше материи” (430a 20), а так же, что “способность ощущения невозможно без тела, ум же существует отдельно от него” (429b 6), то он предлагает рассматривать чувственные образы как простой инструмент

⁵ Отсюда же берет начало его многолетняя полемика с Эдуардом Целлером относительно природы ума у Аристотеля и сопутствующих этой теме проблем (бессмертия души и сотворенности мира). Позднее, в произведениях “О креационизме Аристотеля” (1882), “Открытое письмо Целлеру” (1882–1883) Brentano в противоположность Целлеру будет отстаивать креационистский тезис в отношении как мира, так и человеческого ума: и тот и другой созданы Богом и вечны с его соизволения.

в руках более высокой (нематериальной) деятельной причины, которая исходит от самого ума. В уме (т.е. в разумной душе), согласно Аристотелю (как его понимает Brentano), присутствуют две способности: воспринимающая (мыслящий ум) и деятельная (деятельный ум). Деятельный ум и есть та самая причина, которая дает движение чувственным образам, “воздействующим” на пассивную способность ума. Поскольку, считает Brentano, у нас не может быть больше одной мыслительной способности, то деятельность активного ума целиком посредствующая и бессознательная⁶. Итак, деятельность *νοῦς ποιητικὸς* сводится к 1) воздействию на чувственно воспринимаемые образы, в ходе чего 2) очищаются от чувственных наслоений умопостигаемые формы, которые 3) активизируют мыслительную способность ума. Таким образом (путем введения бессознательной духовной силы), считает Brentano, Аристотелю удается объяснить взаимодействие духовного и материального, интеллектуального и чувственно воспринимаемого и обосновать свою систему возникновения знания.

Эта сила, деятельный ум, изначально присуща человеческой душе и является по своей сути “актуальным качеством разумной души”. Причиной же превратного понимания деятельного ума было то, что его часто рассматривали как отличную от всей души сущность – как непосредственное участие самого божественного ума. Но божественный ум – нечто само по себе и само себя мыслящее, а человеческий деятельный ум – причина индивидуальной человеческой мыслительной способности. То обстоятельство, что ум, не имея своего собственного органа и будучи таким образом “отделенным” и от тела, и от прочих душевных способностей, свидетельствует скорее, по мнению Brentano, о бессмертном характере каждой человеческой души (раз уж этот ум является ее необходимой способностью), чем ее тленности. Целью Аристотеля поэтому и было “через доказательство бессмертия (души. – М.И.) предоставить нам надежду на другую жизнь, которая, во всяком случае, является жизнью интеллектуальной деятельности” (403a 5)⁷.

Brentano отвергает предположения некоторых философов (в их числе и Платон) и исследователей (прежде всего – Целлера) о предсуществовании бессмертной человеческой души и деятельного

⁶ Поскольку мышление – это своего рода претерпевание (429b 25), некое состояние ума, то, получается, что только воспринимающий ум оказывается единственной мыслительной способностью в человеке. Brentano и ранее замечал, что невозможно, чтобы в нас присутствовало более одной мыслительной способности. Следовательно, – деятельный ум – это не сама мыслительная способность, а особое свойство разумной души. Он есть начало и причина мыслительного процесса: он выводит из состояния возможности и предмет мысли (умопостигаемый образ, заключенный в чувственно воспринимаемом), и мыслительную способность (*νοῦς δυνάμις*).

⁷ Brentano Ф. Психология Аристотеля, сн. 67.

ума. Душа как форма тела появляется одновременно с ним. Она появляется из “ничего”, т.е. не имея в себе материальной природы. Бог есть то, из чего и благодаря чему появляется духовная субстанция. Он так же дарует бытие материальному и духовному компонентам человека и является условием их соединения. Участие Бога в создании души оказывается еще одним аргументом в пользу ее бессмертия. Душа, сотворенная Богом, в дальнейшем своем существовании бессмертна, ибо не существует и не может существовать материального разрушительного воздействия на душу, на субстанцию души как таковую.

Итак, на основании того, что деятельный ум является необходимо присущей каждой человеческой душе способностью, и того, что сама человеческая душа творится при участии Бога, человеческую душу в психологии Аристотеля следует считать, по убеждению Brentano, индивидуальной, бессмертной и вечной.

* * *

Перевод сделан по изданию: *Brentano F. Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom Νοῦς ποιητικός*. Mainz: Verlag von Franz Kirchheim, 1867.

Текст печатается с небольшими сокращениями, которые обозначены скобками – {...}.

ПСИХОЛОГИЯ АРИСТОТЕЛЯ В СВЕТЕ ЕГО УЧЕНИЯ О νοῦς ποιητικός

Франц Brentano

ГЛАВА VI, ПУНКТ D О ДЕЯТЕЛЬНОМ УМЕ

30. {...} Чтобы понять воздействие чувственной части души на разумную, мы должны предположить в самой душе новую активную силу. Очевидно, что эта сила – не воля, воздействующая на чувственную часть нашей души (восприятие); ибо эта сила независима от нашей воли и деятельность ее не носит сознательного характера. Подобно тому, как по отношению к чувству чувственное качество названо Аристотелем ποιητικόν¹, так и эта сила должна быть названа по отношению к уму ποιητικόν². Это и есть так называемый νοῦς ποιητικός, который прибавляется к разумной душе как четвертая или, если охватить в одно волю и сознательную движущую способность ума, как третья сила.